

УДК 316.32

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН

© 2017 г. Т. Н. Воронцова, Е. В. Юдина

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В статье рассматриваются социокультурные особенности гражданской активности россиян. В качестве основной черты выделяется ее противоречивый характер, и анализируются причины этого феномена. Противоположные тенденции в развитии гражданской активности обусловлены как российской ментальностью, так и характером взаимоотношений между государством и гражданским обществом в нашей стране.

Ключевые слова: гражданское общество; гражданская активность; некоммерческие организации; социокультурная специфика.

The article deals with the socio-cultural features of Russian civil activity. Special attention is paid to its controversial character. Authors analyze the causes of this phenomenon. Opposing trends in the development of civil activity due to both the Russian mentality and character of the relationship between the state and civil society in our country.

Key words: civil society; civil activity; non-governmental organizations; social and cultural specificity.

Судьба российского гражданского общества уже не первый год является предметом острых дискуссий. Однако, как отмечает Р.Э. Бараш, его развитие часто напоминает хорошо известную апорию о стреле, которая движется вперед, но при этом остается на месте [2]. Другими словами, гражданское общество в нашей стране «стабильно находится в состоянии неопределенности», что, безусловно, ограничивает возможности демократизации и модернизации России.

Причины этого торможения различны. Одни авторы видят их в западном происхождении как феномена, так и самого понятия гражданского общества, вследствие чего его перенос на российскую почву в принципе невозможен. Другие связывают трудности формирования гражданского общества с доминирующими в российском социуме традиционалистскими ценностями и патернализмом россиян.

Многие исследователи отмечают давление и даже противодействие государства раз-

витию отечественного гражданского общества как силе, способной сдерживать авторитарность и монополизм власти. Политическая элита страны «живое творчество масс» не приветствует [8]. По мнению В.Г. Ледяева, российская власть не обеспечивает автономии гражданского общества, не заинтересовано в поддержке законности и установлении стабильных правил игры, само хочет выстроить гражданское общество, а не формировать условия для его созревания. Сегодня в России активно формируется консервативно-почвенное сознание, дискредитируется либеральная демократия с ее плюрализмом, автономией и гражданским участием и популяризируется идея «большого» государства с выраженной вертикалью власти [7, с. 6–7].

Не уменьшая ответственности российского государства за сдерживание гражданской инициативы, тем не менее, следует отметить, что сложности в развитии демократических форм участия граждан в управлении обществом и контроля власти наблюдаются

не только в нашей стране, но и на Западе. Это связано с постиндустриальной стадией социального развития, порождающей массового индивида, не укорененного в социуме, лишённого чувства солидарности и ответственности и не имеющего возможности влиять на собственное настоящее и будущее. Согласно Бауману индивидуализированному обществу присущи три характерные черты: во-первых, утрата человеком контроля над социальными процессами; во-вторых, незащищённость его перед переменами и перед ситуацией неопределённости, в которой он должен жить; и, в-третьих, неспособность человека к планированию и достижению долгосрочных целей и подмена их краткосрочными результатами [3]. Как отмечает В.Г. Федотова, эти три черты легко узнаваемы и в российской жизни. Краткосрочность, отсутствие стратегических целей, потеря доверия и идеалов характеризуют социальный и культурный капитал в нашем обществе сверху донизу. Ценностные сдвиги в России В.Г. Федотова объясняет действием либертаризма, глобализации и американской массовой культуры [12]. Эти тенденции образуют главный тренд современного общественного развития, меняя содержание демократии и способы взаимодействия граждан между собой. Это касается и форм организации гражданского общества, которое претерпевает серьёзную трансформацию и на Западе, не говоря уж о России с её сильным традиционалистским наследием.

Несмотря на трудности, гражданская инициатива в России существует и развивается. Об этом свидетельствует рост волонтерского движения, активное участие тысяч людей в благотворительных и экологических акциях, протестных мероприятиях [5, с. 117]. Особенности общественной активности россиян заставляют творчески переосмыслить понятие гражданского общества, тем более что популярность этого концепта во многом обусловлена многозначностью и размытостью, которые порождают разнообразие его трактовок.

Как известно, в понимании гражданского общества существует несколько подходов. Наиболее распространённое в литературе определение гражданского общества трактует его как «совокупность институтов, союзов

и ассоциаций» [6]. Гражданское общество — это буфер, расположенный между государством и сферой частного интереса. Оно состоит из множества разнородных организаций и объединений, преследующих собственные цели, при этом разнородно, открыто, добровольно и прозрачно. Гражданское общество осуществляет публичный контроль над государством, его функции — защита людей от незаконных действий государства, посредничество между государством и гражданами, производство услуг, которые не могут быть предоставлены государством или бизнесом. Такое определение эффективно «работает» в западных демократиях, но трудно применимо в российской действительности из-за неразвитости горизонтальных связей, распада общественной солидарности и низкого уровня межличностного доверия.

Иной подход к гражданскому обществу предлагает Крис Ханн, который понимает его как совокупность институционализированных социальных практик. Такая интерпретация гражданского общества кажется более широкой и в то же время не противоречащей упомянутому геллнеровскому пониманию, так как различные формализованные и неформализованные социальные практики граждан реализуются и в рамках общественных ассоциаций. Ханн отмечает, что гражданское общество в постсоциалистических странах строится на иных условиях, и оно могло бы обозначать множество социальных практик между частной сферой и государством, не отделяясь от них [13].

Думается, в изучении гражданского общества допустимы попытки комплексного использования различных подходов, а именно: более привязанный к социокультурным основаниям «практический» подход может быть применен к анализу гражданского общества как сети организаций. Это будет способствовать выяснению того, как культурные и социальные стереотипы поведения россиян проявляются в деятельности НКО, и в то же время позволит рассматривать специфику активности российских НКО как выражение социокультурных особенностей населения.

Социокультурный анализ российского гражданского общества предполагает выделение его самобытных оснований и признаков, которые могут развиваться на собствен-

ной почве. Причем эти черты могут проявляться в любой форме социальной активности россиян, так как они также обусловлены укоренившейся привычкой подражать групповому стандарту поведения.

Специфика российской ментальности и своеобразие культурного кода россиян — самостоятельная проблема отечественного обществознания. Не углубляясь в нее, выделим наиболее часто отмечаемую черту национальной культуры россиян — противоречивость. По Н. Бердяеву для русской души характерно совмещение противоположностей. А.А. Зиновьев, характеризуя природу социокультурного типа России, подчеркивает ее антиномичность [7, с. 20]. А.С. Ахиезер [1], говоря о социокультурной специфике России, использует понятие раскола. Раскол пронизывает все общество, его проявления и следствия многочисленны. Для расколотого общества характерно инверсивное мышление — переход мысли от одного полюса оппозиции к противоположному. Медиация, медиативное мышление, напротив, предполагает взаимопроникновение полюсов и выработку нового результата, отличного от прежнего. Через медиацию формируется срединная культура, т.е. новое содержание культуры [14, с. 175]. По Ахиезеру российской культуре свойственна гипертрофия инверсии — бросание из крайности в крайность. Об этом писал и Бердяев: «В России нет дара создания средней культуры, этим она глубоко отличается от стран Запада» [4, с. 31–32].

Противоположность ценностей, установок, идеалов в российской культуре — восточных и западных, традиционных и модернистских, коллективистских и индивидуалистских, патерналистских и активистских и т.д. — порождает и соответствующие практики россиян в сфере гражданского участия. Например, А. Э. Страдзе характеризует социальную активность россиян как парадоксальную и выделяет ее противоречия: 1) между поощрением социальной активности в массовом сознании как способной вызвать позитивные перемены в обществе и негативным отношением к ней в связи с подозрением в корыстных интересах; 2) между ассоциированием активности с советским прошлым и потребностью в ней для осуществления модернизации; 3) между расцениванием ак-

тивности как угрозы стабильности и ожиданиями перемен к лучшему; 4) между отношением к активности в российской провинции как к фактору дестабилизации и как к модному тренду — в столичном регионе. Автор отмечает, что активность воспринимается россиянами как масштабная проективная деятельность и не отождествляется с повседневностью, которую, тем не менее, они хотят изменить, что невозможно без активности. А. Э. Страдзе определяет социальную активность россиян как активность без идеала или инструментальный активизм, направленный на достижение непосредственных целей [11].

В выделении специфических черт деятельности российских НКО, проводимых исследователями, также отмечается ее инструментальный характер, направленность на достижение ограниченных «коротких» или «точечных» целей. На практике такое отношение проявляется в распространении движений «одного требования» (движения автомобилистов «Стоп, хам!», «Синие ведерки», обманутых дольщиков), которые спонтанны и кратковременны, но при этом достаточно эффективны. Более устойчивыми являются НКО, сосредоточенные на жизненных потребностях, «кровотокающих ранах» российского общества (например, общества родителей детей-инвалидов), хотя и в этих случаях «каждая группа «бьется» за себя и свои интересы в одиночку» [7].

Это инструментальное проявление гражданских инициатив обусловлено тем, что гражданское общество в нашей стране развивается в рамках «российской модели демократии», особенность которой состоит в руководстве и строгом контроле государства над обществом. Ассоциации гражданского общества успешно работают, если послушно исполняют заказы власти в рамках одобряемой тематики — здоровье, просвещение, спорт, молодежный досуг и др. Те же НКО, которые выполняют функции общественного контроля за деятельностью государства и действуют, например, в области защиты прав и свобод человека, испытывают трудности, особенно после наделения их статусом «иностранных агентов». Данная ситуация приводит к тому, что действительно актуальные для России общественно-политические и социальные проблемы выпадают из сферы деятельности

НКО. Проблематика работы общественных организаций «мельчает», реальное решение проблем подменяется проведением зрелищных мероприятий, в лучшем случае привлекающих к ним внимание, а в худшем — носящим имитационный характер, не создается каких-либо долговременных, инфраструктурных условий для решения наболевших вопросов. В. А. Смирнов отмечает, что в России формируется набор деструктивных практик в сегменте НКО [10].

В такой ситуации россиянам непонятен смысл гражданской самореализации, хотя их предрасположенность к ней достаточно высока.

Для российского гражданского общества характерны несформированность и неартикулируемость общественных и групповых интересов, отсутствие выступлений солидаристского типа, «точечность» протестных движений [9]. Думается, что отсутствие у основной массы россиян способности к самоорганизации, с одной стороны, и готовность к общественной деятельности, организуемой сверху, с другой, обусловлена доминированием патернализма как основной формы взаимодействия государства с гражданами. В то же время коллективистские традиции взаимопомощи и соучастия еще достаточно сильны и могут составлять основу подлинно российской формы гражданской активности.

Литература

1. Ахиезер А. С. Специфика исторического пути России // Антология русской философии. — СПб., 2000. — Т. 2. — С. 179–214.
2. Бараш Р. Э. Гражданское общество как пространство свободы. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990. — С. 31–32.
5. Воронцова Т. Н. Российские общественные объединения: социокультурные основания и специфика // Вестник ЮРГТУ(НПИ). Серия социально-экономические науки. — 2015. — №1. — С. 114–117.
6. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М., 2004. — 240 с.
7. Зиновьев А. А. Русский эксперимент. — М.: Наш дом, 1995. — С. 20.
8. Ледаев В. Г. Государство vs общество: скрытые практики власти и сопротивления // В поисках гражданского общества. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008.
9. Петухов В. В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. — 2010. — №1. — С. 45–66.
10. Смирнов В. А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. — 2016. — №2. — С. 62–69.
11. Страдзе А. Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №1. — С. 44–56.
12. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. — 2005. — №3. — С. 3–23.
13. Hann C. Farewell to the socialist 'other' // Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia / Ed. by C. Hann. L.; N. Y.: Routledge, 2002.
14. Юдина Е. В. Медиация — слово новое в российском праве // Лосевские чтения: труды Всероссийской ежегодной научной конференции, г. Новочеркасск, май 2013 г. / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова. — Новочеркасск: Лик, 2014. — С. 175–180.

Поступила в редакцию

20 мая 2016 г.

Воронцова Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и право» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Vorontsova Tatiana Nikolaevna — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent at the Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI) Philosophy and Law department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел: +7 (8635) 25-54-27; e-mail: vorontsovatn@mail.ru

Юдина Елена Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и право» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Yudina Elena Viktorovna — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent at the Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI) Philosophy and Law department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел: +7 (8635) 25-54-27; e-mail: ibtt@mail.ru